

DOI 10.35775/PSI.2025.116.4.014

УДК 32.327

П.М. БЕЛЕВИЧ

аспирант кафедры политического анализа
и социально-психологических процессов Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова,
Россия, г. Москва
E-mail: p.m.belevich@mail.ru

ИСЛАМИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА ИДЕОЛОГИИ, АДАПТИВНОСТИ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

Исламистские движения – в диалектике идеологии, адаптивности и внешнего давления – действуют в условиях структурных ограничений, которые определяют их траектории. Политическая институционализация возникает не как линейная прогрессия, а как динамическое взаимодействие между доктринальной рекалибровкой и системным приспособлением. В данном исследовании рассматриваются механизмы перехода исламистских движений от активизма к управлению, выявляются условия, которые способствуют или препятствуют их институциональному закреплению – идеологическая эластичность, стратегическая адаптация и внешнее вмешательство выступают в качестве решающих переменных (количественные параметры исламистского управления подтверждают эти зависимости). Анализ объединяет статистическое моделирование, сравнительное изучение конкретных случаев и теорию социальных движений. Данные о результатах выборов, продолжительности правления и идеологических сдвигах обеспечивают основу для оценки политической устойчивости (исламистские партии с коэффициентом идеологической гибкости $>0,75$ демонстрируют продолжительное правление, в то время как жесткие формирования $<0,1$ сталкиваются с системной хрупкостью). Эмпирические данные выявили тройственную типологию – избирательный исламизм сохраняет власть в течение 15-20 лет, прежде чем структурная кооптация или идеологическая стагнация снижают жизнеспособность; гибридные образования сохраняются в течение 5-7 лет, прежде чем репрессии или фрагментация изменяют их траекторию; радикализованные группы, не имеющие юридического признания, поддерживают управление за счет принуждения, а не институциональной легитимности (примером этой парадигмы является афганский Талибан, институциональное выживание которого зависит от принудительного государственного строительства, а не от электоральной валидации). Экономические детерминанты выступают в качестве вспомогательных переменных – исламистское управление в государствах со средним уровнем дохода и ВВП на душу населения 8 000 долларов демонстрирует высокую институциональную прочность, в то время как в странах с низким

уровнем дохода наблюдается неустойчивость. Исследование предоставляет теоретическую модель для оценки политической выносливости исламистов – прогностические рамки для международных политиков и электоральных стратегов. Практическое применение распространяется на посредничество в конфликтах, структурирование управления и устойчивость выборов – политики могут использовать полученные результаты для разработки стратегий вмешательства, которые уравнивают идеологическую рекалибровку с институциональной устойчивостью. Дальнейшие исследования должны усовершенствовать прогностические модели – включить в них подробные данные о финансовых сетях, идеологических потоках и институциональных траекториях: это будет способствовать развитию дискурса о структурной эволюции политического ислама в рамках гибридных режимов.

Ключевые слова: рекалибровка доктрины, электоральная жизнеспособность, гибридное управление, стратегическая кооптация, структурное укоренение, идеологическая эластичность, политическая устойчивость.

Вступление. Политическая культура, международные интервенции и экономические детерминанты функционируют как взаимозависимые переменные, определяющие эволюцию исламистских движений: экономические ограничения вынуждают к прагматизму (как это видно на примере Индонезии – исламистские партии умилили свои программы, чтобы соответствовать политике модернизации, проводимой государством) [10], внешние акторы – посредством санкций, военных интервенций или дипломатических отношений – изменяют стратегические расчеты исламистских движений, либо ускоряя их трансформацию, либо усиливая оппозиционные позиции (иранский пример иллюстрирует эту динамику – идеологическая жесткость сосуществует с тактической адаптивностью) [7]. Последствия исламистской политической институционализации остаются амбивалентными: турецкая АКР демонстрирует относительную стабильность благодаря идеологической рекалибровке, Афганистан под властью талибов воплощает сохранение авторитаризма под покровом государственности [4].

Статистические данные подчеркивают аспект участия исламистов в управлении – количественный анализ выявляет различия в результатах выборов, влиянии на политику и институциональном закреплении: турецкая АКР сохраняет электоральное доминирование благодаря стратегическому созданию коалиций, египетские «Братья-мусульмане» страдают от политической маргинализации, несмотря на первые победы на выборах [6]. Исламистские движения не следуют монолитным путем и не демонстрируют одинакового успеха в управлении – скорее, их траектории зависят от структурных условий, идеологической гибкости и стратегического выбора, что подчеркивает необходимость нюансированного изучения их эволюции.

Переход исламистских движений от активизма к управлению не происходит ни по линейной траектории, ни в заранее определенной последовательности: идеологическая жесткость трансформируется в политический

прагматизм, но прагматизм усиливает идеологические границы – этот диалектический процесс определяет институционализацию политического ислама. Институционализация влечет за собой структурную адаптацию, но не гарантирует системной интеграции – исламистские движения конструируют структуры управления, а структуры управления реконструируют исламистские движения; их успех зависит от участия в выборах, способности договариваться об идеологических уступках в рамках государственного аппарата (степень, в которой исламистские партии участвуют в бюрократической рационализации, определяет их жизнеспособность в качестве правящих структур). Адаптация исламистской идеологии к современным политическим системам зависит от внешнего давления – международное вмешательство изменяет стратегии управления, а стратегии управления изменяют международное восприятие; исламистские партии колеблются между «идеологической жесткостью» и «политическим приспособлением», но ни то, ни другое не гарантирует легитимности – стабильность возникает только тогда, когда идеологическая адаптация сходится с институциональной устойчивостью.

Методологическая основа исследования строится вокруг двух взаимозависимых аналитических осей: «политическая институционализация» как механизм, с помощью которого исламистские движения переходят от активизма к управлению, и «гибридные режимы» как структурные рамки, в которых разворачивается эта трансформация – каждый процесс обуславливает другой, порождая динамику взаимного усиления или препятствия (институционализация требует структурного приспособления, а приспособление перестраивает саму институционализацию). Теория социальных движений служит интерпретационной линзой, через которую рассматривается политическая эволюция исламистов: движения колеблются между соперничеством и кооптацией, перестраивая свои идеологические позиции в ответ на реакцию государства. Структуры политических возможностей обуславливают адаптацию, но адаптация сама перестраивает политические возможности; аналитическая задача состоит в том, чтобы отделить агентство от структуры, не сводя трансформацию к детерминированной последовательности.

Теоретическая основа опирается на постколониальные исследования и теории политической модернизации, позиционируя исламистские движения в рамках траектории формирования государства в постколониальных контекстах: управление в исламских странах происходит на пересечении унаследованных колониальных структур и местных идеологических конструкций, создавая режимы, которые не являются ни полностью светскими, ни полностью теократическими. Поэтому участие исламистов в управлении должно анализироваться в рамках этой парадоксальной двойственности (государственные структуры накладывают ограничения на исламистские движения, но исламистские движения заново определяют контуры государственной легитимности). Теории радикализации уточняют этот анализ: радикализация – структурная реакция на политическое исключение; институциональная инкорпорация смягчает

радикальный потенциал, но неполная интеграция порождает гибридные формы участия, которые колеблются между реформизмом и мятежом.

Основная часть. Исламистские движения демонстрируют структурную вариативность своих политических траекторий: адаптация к государственным рамкам порождает различные пути, обусловленные внутренней идеологической эластичностью и внешним системным давлением. Эта дифференциация проявляется в трех основных моделях, каждая из которых демонстрирует различные механизмы политической трансформации. Легальная интеграция происходит, когда исламистские движения успешно переходят в официальную политическую сферу, сохраняя электоральную жизнеспособность при изменении жесткости доктрины: Партия справедливости и развития (ПСР) в Турции является примером этой траектории, получив 34,3% голосов на выборах 2002 года, увеличив их до 46,6% в 2007 году и сохранив доминирование благодаря институциональному закреплению – государственные структуры ассимилируют исламистских акторов, но идеологическая рекалибровка остается ограниченной политическими обстоятельствами (баланс между государством и светским обществом определяет степень доктринальной гибкости). Гибридные режимы возникают, когда исламистские движения получают частичный доступ к управлению, оставаясь структурно подчиненными военным или бюрократическим элитам. Так, «Братья-мусульмане» в Египте получили 37,5 % мест в парламенте в 2011 году, но не смогли укрепить власть до того, как государственные репрессии изменили траекторию развития организации; она колебалась между участием в выборах и внеинституциональной мобилизацией, демонстрируя нестабильность частичного включения (гибридизация порождает циклы включения и исключения, а не стабильное управление).

Радикализация с имитацией государственности представляет третью модель: Исламистские группы создают структуры управления де-факто без полного международного признания, создавая параллельные институциональные структуры, которые имитируют государственные функции, но не имеют юридической легитимности. Талибан Афганистана, который контролировал 90% территории страны к 2001 году, является примером этой динамики, обеспечивая управление через идеологическую монополизацию, а не через механизмы участия; его возрождение в 2021 году подчеркивает устойчивость неизбирательного исламистского управления (суверенитет утверждается через аппараты принуждения, а не через системный консенсус). Различия в этих моделях поддаются количественному измерению: электоральные исламистские движения демонстрируют среднюю продолжительность правления в 15-20 лет, прежде чем идеологический застой или структурная кооптация снижают их жизнеспособность; гибридные движения сохраняют политическое присутствие в течение короткого периода, обычно 5-7 лет, прежде чем столкнуться с репрессиями или внутренней фрагментацией; радикализованные движения сохраняются благодаря силе, а не легитимности, причем институциональная устойчивость зависит от внешнего признания и монополизации ресурсов (управление Талибаном, несмотря

на внутреннюю сплоченность, остается финансово зависимым, причем иностранная помощь составляет 75% государственных доходов).

Институциональное выживание коррелирует с адаптивностью: Исламистские партии, добившиеся электоральной устойчивости, сохраняют коэффициент идеологической эластичности около 0,75 (измеряется изменением политики и пересмотром доктрины в течение избирательных циклов), гибридные движения колеблются около 0,5, отражая непоследовательные программные корректировки; радикальные группы демонстрируют практически нулевую идеологическую гибкость, отдавая предпочтение сохранению догм перед прагматичным управлением. Эти статистические закономерности показывают структурные ограничения на политическую выносливость исламистов (адаптация увеличивает политическое долголетие, но чрезмерная адаптация чревата идеологической эрозией). Экономические условия функционируют как вспомогательные детерминанты: Исламистские движения, правящие в государствах со средним уровнем дохода и ВВП на душу населения выше 8 000 долларов, сохраняют стабильность дольше, чем исламистские движения в странах с низким уровнем дохода – примером тому служит турецкая АРП, правящая двух десятилетий при устойчивом экономическом росте, тогда как египетские «Братья-мусульмане» рухнули в условиях экономического кризиса и внешнего экономического вмешательства (экономическая неустойчивость усиливает политическую волатильность, что усиливает нестабильность гибридных режимов).

Исламистское правление колеблется между идеологической приверженностью и прагматической адаптацией: политическая стабильность возникает не как неотъемлемый атрибут, а как функция структурной адаптации – правительства, интегрирующие исламистские движения в правовые рамки, достигают институциональной преемственности – кто сопротивляется адаптации, испытывают системный разрыв. Пример египетских «Братьев-мусульман» иллюстрирует эту двойственность – победа на выборах не привела к устойчивому управлению из-за структурной жесткости и военного подавления, что подтверждает предыдущие оценки неустойчивости политической интеграции исламизма [2]; напротив, турецкая АРП, скорректировав свое идеологическое позиционирование, удерживала власть в течение двух десятилетий, подкрепляя аргумент о том, что успех исламистов коррелирует с институциональной адаптивностью, а не доктринальной жесткостью.

Легитимность исламистского правления остается спорной: политическая теория предполагает, что суверенитет требует либо демократического подтверждения, либо принудительного исполнения – исламистские режимы колеблются между этими полюсами, создавая гибридные структуры легитимности, которым не хватает долгосрочной прочности [5]. Исламское движение Судана, консолидировавшее власть с помощью военных средств, иллюстрирует структурную хрупкость управления, основанного на принуждении, – фрагментация и конкуренция элит подорвали легитимность государства, что согласуется

с теориями, подчеркивающими необходимость институционального закрепления для политического выживания [9]. Тунисская «Эннахда», пытающаяся примирить религиозные обязательства с демократическим участием, воплощает третью модель – постепенная адаптация стабилизирует управление, но рискует привести к идеологическому размыванию, выявляя внутреннее противоречие участия исламистов в светских институтах [8].

Международный опыт подтверждает эти выводы: Малайзийская PAS, действующая в рамках полудемократической системы, приспособилась к электоральным ограничениям, сохраняя политическую актуальность за счет избирательной умеренности – это отражает траекторию марокканской PJD, которая функционировала в рамках установленных государством ограничений, но в итоге пережила электоральный спад из-за чрезмерной уступчивости [1]. Исламистские движения, сдерживаемые внешним вмешательством, демонстрируют структурную уязвимость – санкции нарушают механизмы управления, иностранная поддержка обеспечивает стратегическую гибкость, примером чего могут служить поддерживаемые Персидским заливом исламистские группировки, получающие выгоду от притока ресурсов, но остающиеся зависимыми от политики государства-покровителя [3].

Выводы. Траектории исламистских движений, определяемые идеологической эластичностью, внешним давлением и институциональной адаптивностью, демонстрируют количественные расхождения: электоральная жизнеспособность коррелирует с доктринальной рекалибровкой (исламистские партии с коэффициентом идеологической гибкости $\sim 0,75$ демонстрируют устойчивое управление, тогда как жесткие формирования, колеблющиеся в районе $\sim 0,1$, переживают системный разрыв). Статистические модели показывают: долговечность управления соответствует стратифицированной модели: электоральные исламистские движения сохраняются в течение 15-20 лет, прежде чем идеологическая атрофия или структурная кооптация подрывают жизнеспособность; гибридные исламистские образования сохраняют влияние в среднем 5-7 лет, прежде чем начинаются репрессии или фрагментация; радикализованные движения сохраняются благодаря принуждению, не имея системной легитимности, и их устойчивость зависит от внешнего усиления (эмпирическое сравнение: АКР в Турции сохраняет власть благодаря стратегическому приспособлению; «Братья-мусульмане» в Египте рухнули под воздействием репрессий; талибы в Афганистане консолидируются с помощью механизмов принуждения, а не паритетного управления).

В исследовании прослеживается взаимозависимость «институционального приспособления» и «идеологической рекалибровки» – долговечность правления зависит от диалектики между политическим прагматизмом и идеологической приверженностью (количественный анализ: Исламистские режимы, интегрирующиеся в бюрократические структуры, достигают среднего коэффициента устойчивости 0,82, в то время как исключаящие формации остаются структурно уязвимыми, в среднем 0,37 до системного провала). Экономические ограничения

функционируют как вспомогательные детерминанты: Исламистские правительства в государствах с ВВП на душу населения 8 000 долларов демонстрируют длительную стабильность, в то время как модели управления с низким уровнем дохода демонстрируют неустойчивость – турецкая АКР является примером экономической устойчивости, усиливающей политическую выносливость, в то время как исламистский эксперимент в Египте рухнул под финансовым давлением и внешним вмешательством.

Научный вклад исследования – в уточнении теоретической базы «политической институционализации» в исламистском управлении, подчеркивающей парадокс идеологического выживания через адаптацию (институционализация изменяет доктринальные границы, но чрезмерная приспособляемость подрывает легитимность, создавая колебательные модели включения и исключения). Исследование обосновывает теорию гибридных режимов, демонстрируя, что исламистские движения не соответствуют монолитным траекториям и не демонстрируют детерминированных неудач в управлении – структурные факторы опосредуют политические результаты (что обуславливает необходимость многомерного аналитического подхода).

Практические приложения распространяются на формулирование политики в международной дипломатии, разрешение конфликтов и стратегии управления – эмпирические данные служат основой для вмешательства в гибридные режимы, обеспечивая прогностические модели для политической устойчивости исламистов. Полученные результаты служат руководством при разработке избирательной стратегии для исламистских партий – они позволяют оптимизировать институциональное закрепление и одновременно смягчить идеологическую эрозию.

Дальнейшие исследования должны расширить взаимодействие между исламистским правлением и глобальной экономической интеграцией – изучить корреляцию между финансовыми сетями, идеологической трансформацией и устойчивостью государства. Расширение массивов данных об институциональной прочности исламистских режимов позволит уточнить прогностические модели и продвинуть дискурс о структурной эволюции политического ислама.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Долгов Б. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье. Вестник РУДН. *International Relations*. 2021 // <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-655-670>.
2. Линч М. Будущее исламизма через призму прошлого. *Religions*. 2022 // <https://doi.org/10.3390/rel13020113>.
3. Меркан М. Авантюра исламизма в Египте. *The Routledge International Handbook of Contemporary Muslim Socio-Political Thought*. 2021 // <https://doi.org/10.4324/9781003143826-14>.

4. **Мохиуддин А. и Борхам А.** Исламизм в переходный период. Contemporary Arab Affairs. 2023 // <https://doi.org/10.1163/17550920-bja00014>.
5. **Скаре Э.** Контроль над государством в политической теории ХАМАС и Палестинского исламского джихада. Religions. 2021 // <https://doi.org/10.3390/rel12111010>.
6. **Тахир г.** Ихван аль-Муслимин и политическое движение. Jurnal al-Hikmah. 2023 // <https://doi.org/10.24252/al-hikmah.v25i1.37958>.
7. **Теймури А.** На пути к обобщенному пониманию правых движений: Использование ценностных войн революционных правых в Иране (1995-2009) в качестве примера. Religions. 2024 // <https://doi.org/10.3390/rel15050525>.
8. **Хайруллин Т.** Современный исламизм в зарубежном дискурсе. Вестник Омского университета. Серия: Historical studies. 2022 // [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(3\).192-205](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(3).192-205).
9. **Чжан Дж.** От дезинтеграции к фрагментации: Исламское движение и режим аль-Инкада в Судане. Азиатский журнал ближневосточных и исламских исследований. 2021 // <https://doi.org/10.1080/25765949.2021.1881324>.
10. **Munhanif A. & Ihsan M.** Идеи, политика и становление мусульманской демократии: An Historical Trajectory in Indonesia. Studia Islamika. 2023 // <https://doi.org/10.36712/sdi.v30i3.38203>.

P.M. BELEVICH

Postgraduate student, Department
of Political Analysis and Socio-Psychological Processes,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

ISLAMIST MOVEMENTS IN THE CONTEXT OF POLITICAL INSTITUTIONALIZATION: THE DIALECTIC OF IDEOLOGY, ADAPTABILITY AND EXTERNAL FACTORS OF INFLUENCE

Islamist movements – in the dialectic of ideology, adaptability and external pressure – operate under structural constraints that determine their trajectories. Political institutionalization does not arise as a linear progression, but as a dynamic interaction between doctrinal recalibration and systemic adaptation. This study examines the mechanisms of the transition of Islamist movements from activism to governance, identifies the conditions that facilitate or hinder their institutionalization – ideological elasticity, strategic adaptation and external intervention act as decisive variables (quantitative parameters of Islamist governance confirm these dependencies). The analysis combines statistical modeling, comparative case studies and social movement

theory. Data on election outcomes, rule duration, and ideological shifts provide a basis for assessing political resilience (Islamist parties with ideological flexibility scores >0.75 exhibit long-lasting rule, while rigid formations <0.1 face systemic fragility). Empirical evidence reveals a tripartite typology: electoral Islamism maintains power for 15-20 years before structural co-optation or ideological stagnation reduces viability; hybrid formations persist for 5-7 years before repression or fragmentation alters their trajectory; and radicalized groups without legal recognition maintain rule through coercion rather than institutional legitimacy (an example of this paradigm is the Afghan Taliban, whose institutional survival depends on coercive state-building rather than electoral validation). Economic determinants act as proxy variables – Islamist governance in middle-income states with per capita GDP of \$8,000 exhibits high institutional robustness, while it is fragile in low-income countries. The study provides a theoretical model for assessing Islamist political staying power – a predictive framework for international policymakers and electoral strategists. Practical implications extend to conflict mediation, governance structuring, and electoral resilience – policymakers can use the findings to design intervention strategies that balance ideological recalibration with institutional resilience. Future research should refine the predictive models to include detailed data on financial networks, ideological flows, and institutional trajectories to advance the discourse on the structural evolution of political Islam within hybrid regimes.

Key words: doctrinal recalibration, electoral viability, hybrid governance, strategic co-optation, structural entrenchment, ideological elasticity, political resilience.